

Солярис и сталкер: имена-призраки

© С.М. БЕЛЯКОВА,

доктор филологических наук

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматривается история прецедентных имен *Солярис* и *сталкер*: их создание, мотивированность, фонетическая и семантическая структура, особенности прагматики. Делается вывод о том, что функционирование данных лексем в русском языке свидетельствует о необходимости уточнения деления лексики на привычные разряды имен собственных и нарицательных.

Ключевые слова: *Солярис, сталкер, имя собственное, имя нарицательное, апелляция, прецедентное имя.*

In article on a material of National corpus of the Russian language considers the history of case names *Solaris* and *Stalker*: their creation, motivation, phonetic and semantic structure, especially pragmatics. The author concludes that the functioning of these lexemes in the Russian language indicates the need to clarify the division of the lexicon at the usual level of proper or common nouns.

Key words: *Solaris, stalker, the proper name, common name, appellative, case name.*

Каждое слово нашего языка по-своему уникально. И если верно известное утверждение о том, что книги имеют свою судьбу, то свою судьбу имеют и слова. В том числе и те, у которых в процессе своего функционирования и развития наблюдаются колебания между двумя важнейшими разрядами лексики – именами собственными и

нарицательными. Переходы, совершаемые на этой грани, давно привлекают внимание лингвистов [1–4]. Однако, на наш взгляд, не все нюансы семантического и прагматического развития такой лексики учтены и описаны. И здесь имеет значение как установление общих закономерностей, так и изучение отдельных слов, обладающих яркой спецификой.

К числу таких уникальных слов можно смело отнести *Солярис* и *сталкер*. Созданные гениями философско-фантастической прозы Станиславом Лемом и братьями Стругацкими, они получили второе рождение в фильмах Андрея Тарковского, что и способствовало их вхождению в русский язык. Их объединяют названные обстоятельства, время возникновения, а также связь с философско-нравственными проблемами человечества. Как писал А. Генис, «главные у Тарковского – люди, попавшие в тиски экстремальной нравственности» [5].

Источником материала при исследовании функционирования названных слов и примеров стал Национальный корпус русского языка (сайт www.ruscorgo.ru), основной и газетный подкорпусы (последняя дата обращения – 26.01.2016).

Первое из рассматриваемых имен, будучи созданным польским писателем, сразу являлось именем собственным (название планеты, а также океана на ней) и восходило к латинскому *solaris* «солнечный». Однако в польском языке оно относилось к категории женского рода, обозначая некую «живородящую» сущность. В некоторых переводах романа на русский язык эта родовая принадлежность сохранялась (причем слово имело графическую форму *Solaris*), но в более известном переводе Д. Брускина было использовано написание *Солярис*, которое и вошло в русский язык (данные Википедии). Можно предположить две причины закрепления именно такого варианта. Во-первых, это существование в русском языке слов *солярный* и *солярный*, делающее рассматриваемую лексему в какой-то мере мотивированной. Во-вторых, форма *Solaris*, как относящаяся к женскому роду, должна была стать в русском языке несклоняемой (ср. испаноязычные *Долорес* или *Мерседес*), что, конечно, было нежелательным. При этом мужской род существительного позволял ассоциировать его скорее с океаном, нежели с планетой.

Дальнейший путь этого слова не был слишком извилистым. В русской лингвокультуре оно остается, прежде всего, названием фильма А. Тарковского, вышедшего на экраны в 1972 году (именно он представлен в наибольшем количестве контекстов), романа С. Лема (1961), а также ленты голливудского кинорежиссера С. Содерберга (2002). Кроме того, существуют театральные спектакли и оперы, написанные на этот сюжет, одна из них была поставлена на Боденском озере. Однако главной для нас остается связка Лем – Тарковский, а само

слово демонстрирует определенный ассоциативный потенциал, позволяющий использовать его в качестве прецедентного имени.

Функционирование прецедентного имени может быть связано с несколькими направлениями. Одно из них – аллюзии в художественных и публицистических текстах. Чаще всего подобные ассоциации возникают при описании моря или песчаных массивов в пустыне (эргов). Например: «И тогда Каспий станет, наверное, первым в мире морем, которое обретет если не разум, как лемовский океан на Солярисе, то, по крайней мере, голос» (А. Иорданский. Каспий зовет на помощь); «Море давно уже превратилось в такой отечественный Солярис, который дает по рукам, а то оторвет их каждому, кто в него бездумно сунется» (А. Файн, Д. Губин. О племени младом и незнакомом); «Иногда среди моря песка возникает странное ощущение – будто барханы живут, дышат, появляется чувство, что эрг наблюдает за тобой, совсем как это делал Солярис в известном романе С. Лема» (А. Подцероб. В сердце Сахары). В формальном отношении это выражается в сравнениях или в словосочетаниях с именем прилагательным, указывающим на принадлежность к социуму (*отечественный Солярис*). С Солярисом сравнивается и биокомпьютер: «Аналоговый биокомпьютер можно сравнить с мыслящим океаном Соляриса в романе С. Лема» (Г. Львов. Компьютер строят биологи). Основанием сравнения можно считать следующие признаки: большая масса (сложное устройство) и разумность.

Второе направление – терминологизация сочетаний с прецедентным именем. Нам встретился лишь один пример подобного использования этого имени: «В психологии даже появился термин – “эффект Соляриса” – относящийся к людям, терзаемым неприятными воспоминаниями» (Н. Лескова. Ластик для памяти).

И еще одно направление – это сфера эргониимии и прагматониимии, где изучаемое слово используется, хоть и не слишком активно. Среди эргонимов отмечены наименования различных торговых компаний, фирм, кафе, парикмахерской, кинотеатра, обсерватории, политического кружка; среди прагматонимов – сорта помидоров, коллекции одежды, автомашины. Здесь особую роль играет благозвучность лексемы, а также литературно-кинематографические ассоциации.

Таким образом, в случае со словом *Солярис* мы видим ряд переходов из одного разряда имен собственных в другие, но апелляции практически не наблюдается.

Слово *сталкер* при несомненном сходстве с уже проанализированным *Солярисом* имеет свои яркие особенности, формальные, семантические и прагматические. Как хорошо известно, слово было создано и впервые употреблено братьями А. и Б. Стругацкими в их фантастической повести «Пикник на обочине» (1972 г.). В тексте повести читаем:

«Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия». Но его активная жизнь началась после выхода фильма А. Тарковского (1981 г.), где оно, в отличие от повести, становится заглавным. Однако если в повести Стругацких *сталкер* – название профессии и соответственно пишется со строчной буквы, то в сценарии Тарковского это, скорее, имя собственное (наряду с именами других персонажей – *Профессора* и *Писателя*, тоже восходящими к их профессиональной принадлежности).

Обратимся к анализу этой лексемы, начав с ее фонетической структуры, весьма показательной. Слово короткое, «симметричное», построенное почти по закону слогового сингармонизма (если считать сонорные слогаобразующими), с двумя сонорными (что воспринимается носителями русского языка как «красивое»), последний из них – *P* – наиболее «энергичный», звучный, не подверженный оглушению.

Мотивированность и словообразовательная структура слова также заслуживают внимания. Вряд ли во время появления и повести, и фильма носителями русского языка осознавалась его связь с английским глаголом *to stalk* «охотиться, выслеживать». (Скорее всего, сами авторы исходили именно из данного глагола, создавая обозначение особого рода профессии, но прямых доказательств этого нами пока не обнаружено.) Другое дело – современное восприятие, о чем будет сказано далее. Таким образом, нельзя считать это имя существительное мотивированным в системе русского языка. Финальная часть слова восходит к латинскому (а возможно, и более древнему) «суффиксу деятеля» *-er*. Именно такая огласовка (безударная) характерна для многих заимствований последнего времени из английского языка (*менеджер, геймер, фрилансер, программер*) в отличие от более ранних вариантов, пришедших из французского языка, – ударных *-ёр, -ор* (*монтёр, комбайнёр, кредитор*). Таким образом, слово, с одной стороны, выглядит заимствованием (напомним, что действие повести происходит в вымышленной стране, однако имена собственные явно напоминают англо-американскую языковую среду). С другой стороны, оно построено по фонетическим законам, свойственным славянским языкам, и представляется нам благозвучным. (Кстати, звукобуквы *C – Л – P* также сближают анализируемые слова.)

Можно сказать, что слово *сталкер* вошло в лексический фонд русского языка, причем не только как имя собственное, но и как имя нарицательное, о чем свидетельствуют формальные показатели (написание со строчной буквы, чаще без кавычек). Как пишет в романе «Метро 2033» Д. Глуховский, «название это, вроде странное и чужое для русского языка, в России прижилось». Однако мы не найдем его в лингвистических или толковых словарях, а в энциклопедических оно

фигурирует прежде всего как название фильма. Некоторые трудности вызывает определение его семантической структуры. Так, в Википедии находим следующее толкование: *сталкер* – «человек, занимающийся исследованием опасных объектов и территорий, связанным с риском для здоровья или жизни». Обнаруженные нами контексты позволяют говорить о некой денотативной части его значения: не чаще всего это не «исследователь», а «проводник». Если исходить из единственного четко выделяемого денотативного компонента, позволяющего считать его синонимом лексему *проводник* (отвлечшись от этического и философского наполнения), можно отметить, что данный синоним имеет в русском языке слабовыраженную, но все же существующую амбивалентность. Человек, знающий дорогу, местный, обычно нанимаемый за деньги, – здесь семантика нейтральная или имеющая несколько сниженную оценку. Но это же понятие может приобрести высокий смысл в литературном контексте или мифологическом (как человек, обладающий особыми знаниями, или даже вершитель судьбы). Конечно, это, прежде всего, Вергилий у Данте (*Он двинулся, и я ему вослед*) или Вожатый – Пугачев в «Капитанской дочке».

Особую судьбу слово *сталкер* приобрело в силу целого ряда обстоятельств. Первым из них было, разумеется, появление фильма А. Тарковского, расставлявшего новые акценты в образе и, соответственно, в слове. Вторым, трагическим и, возможно, главным, событием стала катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.) с возникновением вследствие этого особой зоны отчуждения. В повести и фильме Зона (с прописной буквы) – важнейший образ, нечто чуждое, непонятное, опасное, коварное, но и привлекающее. Прямое совпадение словесных обозначений, некоторые общие приметы этих двух объектов, вымышленного и реального, наличие людей, которые, невзирая на запреты, пробираются в Чернобыльскую зону, дали еще один импульс к использованию слова *сталкер* журналистами и писателями. Например: «200-километровая запретная зона охраняется, но местные сталкеры проникают туда без проблем» (С. Ильченко. Крымский загар с пороховым отливом). (В некоторых текстах *сталкерами* называются ликвидаторы, специалисты, работавшие на Чернобыльской АЭС после аварии.) Особое развитие этого понятия находим в романе-антиутопии Д. Глуховского «Метро 2033» (2005), где после ядерной войны люди живут под землей, а «сталкерами назывались те редкие смельчаки, которые отваживались показаться на поверхность».

Показательно и то, что «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпусы) содержит даже в совокупности не слишком большое число примеров на слово *сталкер*: 233 документа и

746 вхождений. В то же время поисковые системы «Yandex» и «Google» выдают огромное количество ссылок.

Это положение отражает тот факт, что *сталкер* как имя нарицательное используется весьма ограниченно: оно либо выступает приложением, либо входит в состав сравнительных оборотов, либо имеет иронический смысл, т.е. в любом случае отсылает к прецедентному тексту. (Заметим, что и прецедентный текст здесь, как и в случае Соляриса, уникальный, бинарный: это книга – фильм.) Приведем соответствующие примеры: «Правы те, кто считает писателей, композиторов, вообще людей искусства лишь проводниками, сталкерами, которым дан свыше дар создавать такие произведения, которые заставляют плакать и смеяться, радоваться и горевать. (...) Но как только сталкер изменяет своему предназначению, у него сразу пропадает дар» (Известия. 2005. 27 мая); «Двое ребят отправились ночью обследовать запрещенную местность (...), решили поиграть в сталкеров» (Комс. правда. 2009. 19 авг.); «Вдруг я увидела, что муж мой, как сталкер, находится в какой-то своей зоне, не слышит, не видит, не понимает, обрастает панцирем синизма...» (С. Спивакова. Не всё).

Значение «проводник» может приобретать и более широкое, практически переносное значение: «Сталкеры библиотек и книжных фондов! Очень нужны фотографии...» (Форум. 2007).

Однако в последнее время в разных текстах (в том числе в материалах Интернета) фиксируется существительное *сталкинг*, которое непосредственно мотивируется английским глаголом *to stalk* и обозначает так называемый промышленный (индустриальный, городской) туризм, хотя и здесь на визуально-ассоциативном уровне прослеживается связь с фильмом А. Тарковского.

Кроме того, в материалах «Национального корпуса русского языка» (газетный подкорпус) отмечено совершенно иное употребление слова *сталкер* – в значении «преследователь, агрессивный поклонник»: «Маньяков, охотящихся за голливудскими знаменитостями, за кордоном называют сталкерами» (Комс. правда. 2005. 13 сент.); «Сталкер певицы Бьорк, узнав о том, что она крутит роман, прислал ей посылку с бомбой, которую удалось обезвредить по чистой случайности» (Там же); «Из обожателя он превратился в сталкера» (Комс. правда. 2013. 12 марта). Вероятно, это прямое заимствование из английского языка, которое не имеет ничего общего с «нашим» *сталкером*, в основной аксиологической оппозиции находится на противоположном полюсе, но таким образом порождает омонимию.

Практическое отсутствие денотата, ассоциативный потенциал и благозвучность позволили широко использовать и это слово (и даже шире, чем *Солярис*) в сфере эргонимии и прагматонимии, т.е. в функции имени собственного для номинации различных объектов: от

музыкальных групп и арт-агентств до фирм, специализирующихся на установке систем сигнализации и видеонаблюдения, и магазинов автоаксессуаров.

Как пишет Л.В. Леваева, «и метафорическое и предварительное метонимическое переосмысление имени собственного, определяющее его образное употребление, не превращают окончательно имя собственное в имя нарицательное» [4], хотя, на наш взгляд, и способствуют их продвижению в этом направлении. Наряду с таким употреблением, существуют различные классы объектов, по отношению к которым данное слово выступает именем собственным, «этикеткой», совершая колебания между метонимическим и метафорическим переносами. Можно сказать, что на функционирование данного слова оказывают влияние два традиционных лексических «полюса»: онимы и апеллятивы, поочередно притягивая его к себе. Разнообразие контекстов, вариантов графического оформления слова (с прописной / строчной буквы, в кавычках / без кавычек, использование квазиаббревиатур, латинской графики) делает это прецедентное имя поистине «беспрецедентным» в нашем языке и культуре. Такие языковые факты демонстрируют сложности описания лексики в привычных категориях имен собственных и нарицательных. А «авторские» слова, окказионализмы, созданные в 60–80-е годы прошлого века, не утрачивают актуальности в контексте современности, становясь созвучными многим реалиям нашего времени.

Литература

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 2007.
2. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* От собственных имен к нарицательным. М., 1981.
3. *Кудрявцева А.А.* Имя собственное как объект метафоризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 1(11). 2010. С. 55–59.
4. *Леваева Л.В.* Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 4. 2010. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsess-perehoda-imen-sobstvennyh-v-imena-naritsatelnye> (дата обращения: 25.01.2016).
5. *Генис А.* Три «Соляриса» // Звезда. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/4/gen.html> (дата обращения: 28.01.2016).

Тюменский государственный университет